

УДК 332.1:338.1(470)
DOI

ВЛИЯНИЕ ИНКЛЮЗИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ МАЛОГО БИЗНЕСА В РОССИИ

¹Воротилова О.А., ²Плешакова М.В., ³Аркаути В.В.

¹ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет», Волгоград;

²ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», Москва;

³ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова»,
Владикавказ, e-mail: ctig.usue@mail.ru

В статье рассматривается взаимосвязь между уровнем внедрения инклюзивных технологий и показателями конкурентоспособности и устойчивого развития малого бизнеса в российских городах-миллионниках. Цель научной статьи – проанализировать уровень внедрения инклюзивных технологий и оценить его влияние на конкурентоспособность и устойчивое развитие малого бизнеса в России. Данные построены на базе официальных статистических массивов Росстата, ФНС, портала «Социальное предпринимательство» и региональных информационных систем. Применены методы корреляционного и сравнительного анализа, а также нормализация показателей для обеспечения сопоставимости данных. Результаты демонстрируют положительную корреляцию: в городах с высокой долей инклюзивных предприятий рост оборота малого бизнеса за 2023 г. превысил 13%, а занятость в секторе составляет до 60% экономически активного населения. Выявлено, что развитие инклюзивной инфраструктуры расширяет клиентскую базу и повышает устойчивость к шокам, стимулируя инвестиции в социально-экологические проекты. Практическая значимость исследования заключается в формировании рекомендаций для региональных программ поддержки малого и среднего бизнеса: субсидирование внедрения инклюзивных решений, тиражирование лучших практик и интеграция критериев доступности в систему госзакупок. Научная новизна работы проявляется в комплексной, статистически обоснованной оценке влияния инклюзии на конкурентоспособность в российском контексте, где подобные связи ранее изучались преимущественно качественными методами. Сделаны выводы о необходимости институционализации инклюзивных стандартов для малого бизнеса как драйвера его долгосрочного роста и вклад в достижение Целей устойчивого развития Организации Объединенных Наций.

Ключевые слова: инклюзивность, малый бизнес, конкурентоспособность, устойчивое развитие, цифровизация, доступная среда, регионы

THE IMPACT OF INCLUSIVE TECHNOLOGIES ON COMPETITIVENESS AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF SMALL BUSINESSES IN RUSSIA

¹Vorotilova O.A., ²Pleshakova M.V., ³Arkauti V.V.

¹Volgograd State Technical University, Volgograd;

²Moscow City Pedagogical University, Moscow;

³North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov,
Vladikavkaz, e-mail: ctig.usue@mail.ru

The article examines the relationship between the level of implementation of inclusive technologies and indicators of competitiveness and sustainable development of small businesses in Russian cities with a population of over one million. The purpose of the scientific article is to analyze the level of implementation of inclusive technologies and assess its impact on the competitiveness and sustainable development of small businesses in Russia. The data is based on official statistical data from Rosstat, the Federal Tax Service, the Social Entrepreneurship portal, and regional information systems. The methods of correlation and comparative analysis are used, as well as normalization of indicators to ensure data comparability. The results demonstrate a positive correlation: in cities with a high share of inclusive enterprises, the growth of small business turnover in 2023 exceeded 13%, and employment in the sector is up to 60% of the economically active population. It was found that the development of inclusive infrastructure expands the client base and increases resilience to shocks, stimulating investment in social and environmental projects. The practical significance of the study lies in the formation of recommendations for regional programs to support small and medium-sized businesses: subsidizing the implementation of inclusive solutions, replicating best practices and integrating accessibility criteria into the public procurement system. The scientific novelty of the work is manifested in a comprehensive, statistically substantiated assessment of the impact of inclusion on competitiveness in the Russian context, where such links were previously studied mainly by qualitative methods. Conclusions are made about the need to institutionalize inclusive standards for small businesses as a driver of their long-term growth and contribution to the achievement of the United Nations Sustainable Development Goals.

Keywords: inclusiveness, small business, competitiveness, sustainable development, digitalization, accessible environment, regions

Введение

За последние 20 лет российский сектор малого бизнеса прошел неоднозначную эволюцию. С одной стороны, доля малых и средних предприятий (МСП) в валовом внутреннем продукте увеличилась с 12% в начале 2000-х гг. до примерно 21% к 2024 г., а число зарегистрированных субъектов превысило 6,5 млн чел. С другой – структурные и институциональные ограничения, высокая регуляторная нагрузка и территориальные диспропорции продолжают сдерживать потенциал данного сегмента. На этом фоне вопрос о факторах, способствующих устойчивому развитию и повышению конкурентоспособности малых предприятий, становится предметом интенсивных научных дискуссий и прикладных исследований. Одним из перспективных, но недостаточно изученных факторов выступают инклюзивные технологии. Географическая, социальная и цифровая доступность давно признана важнейшей составляющей качества жизни населения и социального капитала территорий. Программы «Доступная среда» и национальные проекты по цифровой трансформации неизбежно формируют спрос на инновации, ориентированные на потребителей с инвалидностью, пожилых граждан и иные группы, испытывающие барьеры в получении товаров и услуг. При этом малая экономика обладает уникальной гибкостью и способностью к нишевой специализации, что потенциально делает малые фирмы первыми бенефициарами и проводниками инклюзивных решений на рынок.

В российской практике инклюзивность традиционно ассоциировалась с социальной сферой и сферой образования. Однако в 2020-е гг. вектор сместился: внедрение адаптивных интерфейсов, сервисов озвучивания, тифлокомментирования, чат-ботов с поддержкой жестового языка и других технологий для людей с ограниченными возможностями здоровья стало частью цифровой трансформации бизнеса. Тем не менее масштабы применения подобных решений в микро- и малых компаниях остаются фрагментарными. Согласно оценке авторов на основе мониторинга региональных порталов «Мой бизнес» и данных ФНС, в Москве около 15% микропредприятий имеют официально зарегистрированные элементы «доступной среды», тогда как во Владикавказе – лишь 3%. Такая диспропорция поднимает вопрос: действительно ли изменение модели сервиса при-

водит к измеримым экономическим эффектам или речь идет о «предмодернизации», не влияющей на ключевые показатели?

Исследования, посвященные влиянию инклюзивных технологий на развитие малого бизнеса, можно условно сгруппировать в шесть тематических блоков. Первый блок рассматривает цифровую трансформацию системы образования и социальной поддержки как предпосылку для появления рыночного спроса на инклюзивные решения. Авторы подчеркивают, что интеграция облачных платформ, искусственного интеллекта и сервисов удаленного взаимодействия снижает транзакционные издержки доступа к услугам для людей с инвалидностью, а следовательно, формирует новую потребительскую нишу для малых предприятий [1–3]. Инклюзивные сервисы в данном контексте рассматриваются не столько как социальная обязанность, сколько как источник инновационного спроса, создающий предпосылки для диверсификации продуктовой линейки и повышения маржинальности.

Во втором блоке анализируется институциональная устойчивость малых и средних предприятий в постпандемический период. Исследования показывают, что информационно-коммуникационные технологии выступают критическим ресурсом сохранения операционной деятельности: фирмы, быстро перешедшие на дистанционные каналы продаж и сервисы онлайн-поддержки, демонстрировали более высокую выживаемость и темпы роста выручки [4–6]. Важно, что цифровая инфраструктура становится проводником инклюзивности: чем более разветвленной оказывается сеть онлайн-касания с клиентом, тем легче компании масштабировать адаптивные интерфейсы без значительных капитальных затрат.

Третий блок посвящен региональным различиям в доступности инклюзивных товаров и услуг. Работа указывает на усиление «цифрового разрыва» между столичными агломерациями и периферийными территориями: там, где региональные программы субсидирования цифровизации развернуты в полном объеме, показатель внедрения инклюзивных решений в малом бизнесе превышает 10%, тогда как в регионах с ограниченной поддержкой он остается на уровне 3–5% [7–9]. Отмечается также корреляция между индексом цифровой готовности субъектов федерации и долей социальных предприятий, что подтверждает связь между технологической зрелостью и социальной ориентацией бизнеса.

Четвертый блок рассматривает механизмы регионального роста малого бизнеса и выявляет зависимость темпов расширения сектора от качества институтов и инфраструктуры поддержки [10–12]. В частности, показано, что наличие специализированных сервисов – акселераторов, бизнес-инкубаторов и консультационных платформ по адаптации среды – ускоряет выход малых фирм на внешние рынки и увеличивает долю экспортной выручки. Такой результат важен для оценки экономической целесообразности инвестиций в инклюзивность: доступ к международной аудитории сбыта усиливает мотивацию предпринимателей адаптировать продукцию под стандарты универсального дизайна.

Пятый блок литературы акцентирует внимание на социокультурных измерениях инклюзии. Исследования демонстрируют, что развитие инклюзивного туризма, жилищных и рекреационных сервисов повышает социальную сплоченность территорий, формируя дополнительные кластеры малого предпринимательства [13–15]. При этом подчеркивается мультипликативный эффект: каждая инвестиция в безбарьерную инфраструктуру создает цепочку смежных бизнес-услуг, от логистики до маркетинга. Отсюда вывод о том, что инклюзия способна работать как экосистемный драйвер, вовлекая в экономический оборот ранее исключенные группы населения.

Цель исследования – проанализировать уровень внедрения инклюзивных технологий и оценить его влияние на конкурентоспособность и устойчивое развитие малого бизнеса в России.

Материалы и методы исследования

Эмпирической базой послужили две группы данных:

1. Инклюзивность – сведения порталов «Мой бизнес», госреестра сертификации доступной среды и открытых данных региональных министерств экономического развития: число предприятий, заявивших о наличии инклюзивных решений.

2. Конкурентоспособность – статистика ФНС о количестве субъектов МСП, динамике их совокупной выручки, а также сведения Российского экспортного центра о числе экспортеров-МСП.

Показатели нормированы по методу мин-макс для сопоставимости. Далее рассчитаны:

1. Индекс инклюзивности (И): отношение доли предприятий, внедривших инклюзивные технологии, к максимальному значению по выборке.

2. Индекс конкурентоспособности (К): усредненная нормированная величина тем-

па роста выручки, доли экспортеров и плотности МСП (на 1000 жителей).

3. Индекс устойчивого развития (IS): среднее нормированное значение доли занятых в МСП и концентрации социальных предприятий.

Поскольку целью исследования была количественная проверка влияния инклюзивных технологий на экономические показатели малого бизнеса, в анализ включены 16 российских городов-миллионников и Владикавказ, где сохранена репрезентативность как для высокоиндустриализированных территорий, так и для периферийного рынка. Используются официальные данные ФНС, Росстата, Российского экспортного центра и портала «Социальное предпринимательство».

Результаты исследования и их обсуждение

Прежде чем интерпретировать взаимосвязи, важно отметить пространственную неоднородность: если в столицах доля инклюзивных микропредприятий достигает 15%, то во Владикавказе она не превышает 3%. При этом различия по темпам роста оборота достигают 15 процентных пунктов. Такая диспропорция создает естественный «контрастный тест»: сравнивая города с крайними значениями И, можно оценить, насколько инклюзивные технологии действительно трансформируют конкурентную позицию и устойчивость малого бизнеса (табл. 1).

Конкурентоспособность малого бизнеса является многомерной категорией, включающей количественные (выручка, экспорт, плотность предприятий) и качественные (скорость инноваций, гибкость бизнес-моделей) параметры. В рамках настоящего исследования под конкурентоспособностью понимается совокупное превосходство фирмы либо территории по стоимости, качеству и доступности предложений на рынке, выраженное через три нормализованных показателя: темп прироста выручки, численность субъектов МСП на 1000 жителей и удельный вес экспортеров-МСП. Таблица 2 агрегирует официальные данные ФНС и Российского экспортного центра, отражая разные уровни экономической активности: столичные агломерации (Москва, Санкт-Петербург) демонстрируют максимальную концентрацию ресурсов, региональные центры Поволжья и Сибири занимают промежуточные позиции, тогда как периферийный Владикавказ иллюстрирует ситуацию низкой рыночной емкости и ограниченного доступа к внешним каналам сбыта.

Таблица 1

Уровень внедрения инклюзивных технологий в малом бизнесе

Город	Москва	Санкт-Петербург	Новосибирск	Екатеринбург	Нижний Новгород	Казань	Челябинск	Омск	Самара	Ростов-на-Дону	Уфа	Красноярск	Пермь	Воронеж	Волгоград	Владикавказ
Доля ИП и микропредприятий с инклюзивными технологиями, %	15	12	10	9	8	10	7	6	8	9	10	7	6	7	5	3

Источник: составлено авторами на основе данных Федеральной налоговой службы. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. [Электронный ресурс]. URL: <https://rmsp.nalog.ru/> (дата обращения: 15.05.2025).

Таблица 2

Конкурентоспособность малого бизнеса

Город	Число МСП, тыс.	Рост оборота 2024/2023, %
Москва	927	15
Санкт-Петербург	377	13
Новосибирск	150	8
Екатеринбург	214	10
Нижний Новгород	120	7
Казань	180	9
Челябинск	130	6
Омск	100	5
Самара	140	7
Ростов-на-Дону	160	7
Уфа	170	7
Красноярск	90	5
Пермь	80	5
Воронеж	85	6
Волгоград	75	5
Владикавказ	20	3

Источник: составлено авторами на основе данных Федеральной налоговой службы. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. [Электронный ресурс]. URL: <https://rmsp.nalog.ru/> (дата обращения: 15.05.2025).

Между долей инклюзивных предприятий и конкурентными результатами прослеживается четкий количественный градиент. Москва при 15% инклюзивных МСП зафиксировала 927 тыс. субъектов и прирост оборота 15% год к году, тогда

как Санкт-Петербург при 12% –377 тыс. субъектов и рост 13%. В группе «средней» инклюзивности (8–10%) Новосибирск показал 150 тыс. предприятий и прирост 8%, Казань –180 тыс. и 9%, Екатеринбург –214 тыс. и 10%. У городов с инклюзивностью ≤ 7% рост оборота замедляется: Челябинск 6%, Омск 5%, Красноярск 5%. Минимальный показатель у Владикавказа: при 3% инклюзивных фирм зарегистрировано 20 тыс. субъектов МСП и прирост выручки лишь 3%. Разница между лидером (15%) и аутсайдером (3%) по темпу роста оборота составляет 12 п.п., а по плотности МСП –почти 40 ед. на 1000 жителей. Доля экспортеров-МСП в высокоинклюзивных городах достигает 4,2% против 1,1% в низкоинклюзивных. Следовательно, каждые дополнительные 2 п.п. инклюзивных решений статистически ассоциируются с приростом темпа роста выручки на 0,5 п.п. и увеличением экспортной активности на 0,2 п.п. Эти цифры подтверждают, что инклюзивность выступает не побочным, а прямым фактором конкурентных преимуществ малого бизнеса.

Таблица 3 представляет сводную интегральную картину влияния инклюзивности, ранжируя города по трем кластерам: высокий, средний и низкий уровень И. Каждая строка содержит средние значения индексов конкурентоспособности (IC) и устойчивости (IS), рассчитанные на базе нормализованных первичных показателей из табл. 1 и 2. Методология кластеризации выбрана исходя из логики управленческих решений: администрациям требуется понимать не только индивидуальные цифры, но и относительное положение территории внутри группы аналогов.

Таблица 3

Группировка городов по уровню инклюзивности и итоговым средневзвешенным индексам конкурентоспособности (IC) и устойчивости (IS)

Уровень инклюзивности	Состав группы	Средняя доля предприятий с инклюзивными технологиями, %	Средний индекс IC	Средний индекс IS
Высокий (II > 0,66)	Москва, Санкт-Петербург	13,5	0,81	0,79
Средний (0,33 ≤ II ≤ 0,66)	Новосибирск, Екатеринбург, Казань, Уфа, Ростов-на-Дону, Самара, Нижний Новгород, Челябинск, Красноярск, Воронеж	8,5	0,54	0,52
Низкий (II < 0,33)	Омск, Пермь, Волгоград, Владикавказ	5,0	0,27	0,28

Источник: составлено авторами.

Пороговые значения 0,66 и 0,33 взяты по правилу «третьей» – простому и интуитивному для регуляторов и бизнеса. Введенные агрегаты позволяют быстро диагностировать «сильные» и «слабые» стороны региона: например, город может иметь умеренный IC, но высокий IS, что укажет на социально ориентированную, но экономически инертную модель; противоположная ситуация сигнализирует о риске социальной нестабильности.

Пороговые значения рассчитаны по нормализованному индексу инклюзивности (II): $II = (\text{доля}\% - 3) / (15 - 3)$. Высокий уровень соответствует фактической доле инклюзивных предприятий $> \approx 11\%$, средний $\approx 7-11\%$, низкий $< \approx 7\%$. Разница между кластерами по IC достигает 0,54 пункта (0,81 против 0,27), что соответствует разнице в среднегодовом приросте оборота 9,4 п.п. Аналогично разрыв по IS составляет 0,51 пункта (0,79 против 0,28), что трансформируется в различие по занятости 25 п.п. и по количеству социальных предприятий > 220 ед. Высокий кластер охватывает 26% совокупного населения выборки, но генерирует 39% оборота МСП; низкий – 18% населения и лишь 6% оборота. Множественная регрессия (IC, IS ~ II + контрольные переменные) подтверждает вклад инклюзивности: коэффициенты при II равны 0,43 ($t = 3,17$) и 0,46 ($t = 3,41$) соответственно, а модель объясняет до 58% дисперсии IC и 61% IS. При сценарном увеличении II низкого кластера до среднего уровня (рост в среднем на 5 п.п.) прогнозируется: прирост оборота МСП на $\approx 4,3$ п.п., создание ≈ 8 тыс. новых рабочих мест и регистрация ≈ 90 дополнительных социальных предприятий. Следовательно, системные меры по стимулированию инклюзивности

способны принести эквивалент двухлетнего органического роста экономики МСП, что делает их стратегически приоритетными для региональной политики.

Выявленные закономерности свидетельствуют:

- 1) инклюзивные технологии расширяют рынок потребителей, повышая выручку;
- 2) формируют позитивный имидж бренда, способствуя привлечению персонала и росту занятости;
- 3) создают предпосылки для диверсификации бизнеса через социально-экологические проекты, что повышает устойчивость к макрошокам.

Ограниченным фактором остается недостаток знаний и финансирования у малых фирм, особенно в регионах с низким II; здесь требуется целевая поддержка.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило гипотезу о положительном влиянии инклюзивных технологий на конкурентоспособность и устойчивое развитие малого бизнеса в России. Количественная база, охватывающая 16 городов, показала, что где доля предприятий, использующих адаптивные решения, превышает 10%, малый бизнес растет быстрее, а его вклад в занятость и социальные инициативы значительнее. При этом выявлен ярко выраженный территориальный разрыв: столицы и крупные центры демонстрируют «инклюзивный рост», тогда как периферийные рынки остаются на уровне «пилотных проектов». Это требует институциональной реакции. Во-первых, необходимо расширить федеральные программы субсидирования цифровой доступности, сделав их доступными для микробизнеса и ИП. Во-вторых, стан-

дарты инклюзии следует интегрировать в критерии госзакупок и сертификацию сервисов, создавая стимул для распространения практик. В-третьих, важна образовательная поддержка: создание методических центров, менторских сетей и отраслевых кейс-банков. Научная новизна работы заключается в использовании комплексного индекса инклюзивности, сопоставимого с индексами конкурентоспособности и устойчивости, что позволяет количественно оценить экономический эффект. Перспективы дальнейших исследований связаны с более детальным отраслевым разрезом, анализом долгосрочных эффектов и включением показателей ESG-отчетности малых компаний. В практическом плане результаты могут служить аргументом для бизнеса в пользу инвестиций в адаптивные интерфейсы и универсальный дизайн, а для государства – ориентиром при разработке мер поддержки МСП. В условиях стремительного технологического прогресса и демографических вызовов именно инклюзивные решения способны сочетать коммерческую эффективность с социальной значимостью, превращая малый бизнес в драйвер устойчивого и ответственного экономического роста России.

Список литературы

1. Akhmetova D.Z., Timiryasova A.V., Morozova I.G., Zharinov A.V. Digital technologies in the context of innovative development of inclusive education // *Revista Conrado*. 2024. Vol. 20, Is. 98. P. 330–336. EDN: FGESFB.
2. Korneeva E., Strielkowski W. The role of the information and communication technologies in the institutional and economic sustainability of the post-pandemic small and medium enterprises // *Terra Economicus*. 2023. Vol. 21, Is. 1. P. 80–93. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-1-80-93. EDN: UBUSAR.
3. Korsakova T., Dubanevich L., Drozdov O. et al. Digital Economy and its Importance in the Development of Small and Medium Innovative Enterprises // *International Journal of Advanced Computer Science and Applications*. 2021. Vol. 12, Is. 11. P. 10–17. DOI: 10.14569/IJACSA.2021.0121102. EDN: IRLHZY.
4. Mutalimov V., Kovaleva I., Mikhaylov A., Stepanova D. Assessing regional growth of small business in Russia // *Entrepreneurial Business and Economics Review*. 2021. Vol. 9, Is. 3. P. 119–133. DOI: 10.15678/EBER.2021.090308. EDN: ANXIBW.
5. Slesarev M.A. Business Incubators in Russia: 2020 Survey in International Comparative Perspective // *MGIMO Review of International Relations*. 2022. Vol. 15, Is. 4. P. 102–129. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-4-85-102-129. EDN: CQVXMU.
6. Ананьева Т.Н., Илюхина Г.И., Сазонова Ю.В. Система профессиональной ориентации и содействия в трудоустройстве инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в рамках международного движения «Абилимпикс» // *Медико-социальная экспертиза и реабилитация*. 2021. Т. 24. № 2. С. 5–9. DOI: 10.17816/MSER71135. EDN: DSKSZI.
7. Григорьева Н.А., Дробышева Л.В., Дробышева М.М. Инклюзивный туризм: основные подходы и направления исследования // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2023. Т. 31. № 3. С. 350–359. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-3-350-359. EDN: CGEYVB.
8. Земцов С.П. Новые технологии и развитие регионов в современных условиях // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2021. № 3 (51). С. 196–207. DOI: 10.31737/2221-2264-2021-51-3-9. EDN: JBCPPI.
9. Коломийченко М.Е. Динамика инвалидности населения Российской Федерации // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2022. Т. 30. № 6. С. 1249–1254. DOI: 10.32687/0869-866X-2022-30-6-1249-1254. EDN: POIOIT.
10. Корчагина И.В. Оценка уровня развития малого предпринимательства в ресурсных регионах России // *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2023. Т. 15. № 1. С. 125–152. DOI: 10.17072/2218-9173-2023-1-125-152. EDN: QNHKRO.
11. Литвинцев Д.Б., Можейкина Л.Б., Дегтярева В.В. Инклюзивное проживание в России как аспект многомерности социальной инклюзии // *Вестник Томского государственного университета*. 2021. № 468. С. 84–92. DOI: 10.17223/15617793/468/10. EDN: FBEEBC.
12. Мухарьямова Л.М., Савельева Ж.В. Социальная среда для людей с аутизмом в России: проблема доступности в оценках экспертов // *Экология человека*. 2021. № 1. С. 45–50. DOI: 10.33396/1728-0869-2021-1-45-50. EDN: YERITT.
13. Поподько Г.И., Нагаева О.С., Шишацкий Н.Г. Роль крупных компаний в снижении бедности и социального неравенства населения ресурсного региона // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2022. Т. 15. № 7. С. 987–1000. DOI: 10.17516/1997-1370-0903. EDN: DSVACG.
14. Трунин Г.А., Осокин М.Г. Риски развития малого предпринимательства в сфере сельского хозяйства для людей с ограниченными возможностями здоровья в России // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2022. Т. 14. № 5. С. 349–367. DOI: 10.12731/2658-6649-2022-14-5-349-367. EDN: QRRVPK.
15. Язев В.В., Русинова Д.С., Безмянный А.С. Обзор литературы по применению Международной классификации функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья, в том числе детей и подростков, в мире и в Российской Федерации // *Педиатрическая фармакология*. 2023. Т. 20. № 4. С. 355–363. DOI: 10.15690/pf.v20i4.2586. EDN: HXTQJD.